

Александр А. Ширинянец
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Тоска *versus* надежда: размышления о времени¹

«... Традиционализм не означает привязанность к прошлому. Это означает — жить и поступать, исходя из принципов, которые имеют вечную ценность»

Артур Мёллер ван ден Брук

Как известно, в восприятии времени существуют антропологическая (культурная) и социокультурная константа, в некотором смысле противоположная первой. Для начала остановимся именно на этом аспекте обширной темы, назовем его «утилитарный».

Речь идет об измерении времени. Логика рассуждений большинства современных обществоведов (социологов и антропологов) базируется на исходном тезисе о том, что человечество реализует себя в «традиционном» и «индустриальном»² вариантах социальной организации³.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

ACKNOWLEDGEMENTS. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project No. 19-011-31066 «Symbolic politics in modern Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory».

² Под «традиционными» обычно подразумевают доиндустриальные общества, ориентированные на взаимодействие с природой по стилю жизни, преобладающими в которых являются добывающий сектор экономики и сельское хозяйство, экстенсивность развития, патриархальность социальных и политических связей, где происхождение и военное могущество подавляли богатство и личные достоинства человека, общественное сознание, опирающееся на опыт здравого смысла, а не на разум (науку), ориентация на прошлое, традиционализм. В «индустриальном» же обществе на первый план выдвигаются производство товаров, обрабатывающая промышленность, взаимодействие не с природой, а с искусственно созданной культурной средой, эмпиризм, экспериментаторство, ориентация на интенсивность и экономический рост, опосредованность социальных и политических связей при возрастании формального равноправия и фактической стратификации общества и т.д.

³ Популярны сейчас концепции «постиндустриального», «технотронного», «информационного», «цифрового», «электронного» и т.п. общества нас в данном случае не ин-

В «традиционных» обществах время, означавшее коллективное представление о последовательности и продолжительности, измерялось в соответствии с какими-либо природными циклами (фазы Луны, времена года, сезоны дождей, сбора урожая и т.п.), а также через повторение религиозных событий или праздников в рамках священного календаря. При этом точное представление о времени деревенских жителей не имело столь существенного значения как в так называемой «городской цивилизации». Противоположность субкультур деревни и города впоследствии стала одним из оснований противопоставления «традиционного» общества — «индустриальному», в котором точный расчет времени стал просто фундаментальной основой не только организации труда, но и всего бытия, превратившись в «регуляцию» «индивидуальных жизненных стилей»⁴.

Повседневную деятельность человека в таком обществе уже можно назвать «тропой через время–пространство», а так как индивиды здесь «должны упорядочивать свою жизнь с целью достижения коллективных целей, то для социальной организации существенным становится единое понимание времени»⁵.

Власть времени в индустриальном обществе становится безграничной, превращая жизнь человека в постоянное и каждодневное подчинение фактору времени (ритму времени, который задается безликой машиной), в конечном счете — в тюрьму, «имя которой — время»⁶.

* * *

Однако в восприятии времени существует, как мы уже отмечали и антропологическая (культурная) константа. Бесспорной истиной является то, что времяощущение, восприятие времени — метаистори-

тересуют, так как эти макросоциологические теории, выдвинутые во второй половине XX — начале XXI вв., фиксируют и характеризуют прежде всего изменения, связанные с развитием информационных технологий в современный период.

⁴ См.: М. Вебер, *Протестантская этика и дух капитализма*, [в:] *idem*, Избранные произведения, пер. Ю. Н. Давыдова, Прогресс, Москва 1990.

⁵ См.: A. Giddens, *Central problems in social theory: Action structure and contradiction in social analysis*, University of California Press, Los Angeles 1979, pp. 203-206; *idem*, *The Constitution of society: Outline of the theory of structuration*, University of California Press, Berkeley — Los Angeles 1984, pp. 2, 193 и др.

⁶ Э. Фромм, *Иметь или быть?*, пер. В. И. Добреньков, Прогресс, Москва 1990, с. 137.

ческие, метакультурные категории, означающие свойства, присущие только роду *Homo sapiens*.

Известно, что для человека характерны различные способы ощущения времени. Тоска по прошедшему — первый из них. Чувство утраты, тоска по безвозвратно ушедшему знакомы всем.

Это умонастроение имеет столь глубокие корни, что обнаружить их можно лишь в самых древних слоях сознания, в родовом бытии, когда жизненный образец, следование которому и составляло главный смысл жизни, задавали предки. Родовое бытие во всем ориентировалось на опыт предков и потому безусловно доверялось прошлому.

Такое почтительное отношение к прошлому, к «минувшему времени» во многом объясняется свойством самого времени.

Будущее, настоящее, прошедшее — не что иное, как абстракции объективного времени (измеряемого отрезками пути небесных тел), и имеют смысл лишь для осознающего время человека, но не для человечества, живущего «исторической жизнью» лишь последние 16 минут из «суток» (550 тыс. лет), проведенных человеком на планете Земля. Природой же предназначено человеку развиваться и, в определенный момент, он начинает стареть. С возрастом настоящее все более пропитывается прошлым, то, что случилось много лет назад, помнится в мельчайших подробностях.

Мы думаем о прошлом, и наши чувства — это *воспоминания* о прошлых чувствах (или о том, что мы принимаем за таковые)... Мы *суть* прошлое, и мы можем сказать: «Я — это то, чем я был»⁷.

То, что было только вчера — абсолютно не интересно. То, что будет завтра — уже случилось много лет назад. «*Будущее* — это предвосхищение того, что станет прошлым»⁸. Настоящее пропитывается «прошлым до такой степени, что становится жизнью без будущего» (М. Хайдеггер).

В отличие от будущего, где всякое может случиться, прошлому не угрожают перемены. Все, что только могло произойти, там уже произошло, и потому прошлое, каким бы оно ни было, всегда незыблемо и надежно.

Именно это влечет к нему людей, неотлучно стоящих на пороге неизвестного. Прошлое — хранитель надежности бытия. Отсюда и рождается подсознательная уверенность, столь хорошо знакомая многим, что

... такая хрупкая вещь, как человеческая жизнь, может иметь достойный смысл, только связавшись с чем-то безусловно прочным, не зависящим

⁷ *Ibidem*, с. 135.

⁸ *Ibidem*.

ни от каких случайностей. Только сделав ее частью этой прочности, пусть самой малой, можно жить без оглядки и спать спокойно в самые тревожные ночи⁹.

Тоска по ушедшему — глубоко укоренилась в сознании. Такое восприятие времени характерно для огромного числа людей, живущих в кризисные эпохи, перешагнувших определенную ступень возрастной и социальной зрелости и тоскующих по безвозвратно утраченной молодости, когда и «вода была мокрее и сахар слаще».

Наступает время, когда до сих пор несбывшиеся стремления и ожидания навряд ли осуществляются и, потому, нестабильность собственного существования заставляет жить людей в постоянном напряжении, а крушение иллюзий, на которых воспитывалось не одно поколение, вызывает чувство неудовлетворенности. В результате — неудовлетворенные ожидания и стремления вытесняются в сферу бессознательного, порождая апатию, фанатизм, немотивированную агрессивность и т. п. Здесь и возникает психологическая потребность в отвлечении от действительности, поиски помощи со стороны — в частности, наиболее популярной становится литература, порождающая иллюзорный мир, в котором можно «забыться»...

Результаты общепсихологического и социально-психологического осмысления данного феномена в самом общем виде позволяют говорить, во-первых, о возможных личностных изменениях, связанных с нарушением временной перспективы («жизнь в прошлом») и пространственной (жизнь в иллюзорном мире), которые иногда объединяют термином «социальный невроз».

Во-вторых, в ряде случаев проявления социальной нестабильности и потеря континуума (пространственно-временного), в социальном неврозе, сочетаются с определенными особенностями индивидуального самосознания — с кризисом идентичности¹⁰ в наи-

⁹ Ф. Искандер, *Сандро из Чегема*, Москва 1995, с. 489.

¹⁰ См.: Э. Фромм, *Бегство от свободы*, Прогресс, Москва 1995, с. 35-39. (Кризис идентичности или «тождественности» — изоляция, «которая перерастает в потерянность и порождает интенсивную тревогу и неуверенность» (*ibidem*, с. 35). С точки зрения Фромма, «идентичность с природой, племенем, религией дает индивиду ощущение уверенности. Он принадлежит к какой-то целостной структуре, он является частью этой структуры и занимает в ней определенное, бесспорное место. Он может страдать от голода или угнетения, но ему не приходится страдать от наихудшего — от полного одиночества и сомнений» (*ibidem*, с. 39). В основе идентификации лежат, по крайней мере, три базовые психологические потребности личности. Во-первых, потребность в безопасности и защите. Во-вторых, потребность принадлежности к общности, к группе. В-третьих, потребность в самобытности, уникальности своего «Я», которая реализуется лишь в сравнении себя с «другими». «Смысл сообщества держится на инди-

более острых формах своего проявления, ведущим к утрате человеком смыслов своей деятельности и — более широко — смысла жизни вообще («жизнь без будущего»).

Однако «тоске по ушедшему» мешает довериться одно важное обстоятельство, осознаваемое любым психически и социально здоровым человеком довольно ясно.

Время — это движение, поэтому ощущение времени, — как, впрочем, и всякого движения, — опирается на две крайние точки. И если одной из них становится прошлое, то вторая неизбежно оказывается будущим. Лишь равновесие между ними придает человеческому существованию хоть какую-то устойчивость.

Настоящее, — писал Фромм, — это точка, где прошлое встречается с будущим, это станция на границе двух времен, соединяющая их и качественно ничем от них не отличающаяся [выделено мной — А.Ш.]¹¹.

Конечно, по сравнению с прошлым, которому уже не страшны никакие неожиданности, будущее выглядит слишком туманным. Но и оно влечет к себе человека, причем, как это ни странно, именно своей неопределенностью. Там еще не исключена ни одна возможность, и потому в скучном сегодняшнем мире — так уж он устроен — будущее позволяет надеяться на лучшее. Коротко говоря, прошлое — это надежда, будущее — это надежда.

И, безусловно, прав был А.Ф. Лосев, находивший, что

... сущность времени — в непрерывном нарастании бытия, когда *совершенно, абсолютно* неизвестно, что будет через одну секунду, и когда прошлое — *совершенно, абсолютно* невозвратно, и потеряно, и вообще никакие силы не могут остановить этого неудержимого, нечеловеческого потока становления¹².

видуальности каждого его члена, — писал В. Франкл, — а смысл личности проистекает из смысла сообщества» (В. Франкл, *Человек в поисках смысла*, пер. Д. А. Леонтьева, М.П. Папуша и Е.В. Эйдмана, Прогресс, Москва 1990, с. 199).

¹¹ Э. Фромм, *Иметь или быть?*, с. 135. По мнению Фромма, «сильное» переживание ситуаций прошлого может «оживить», воссоздать, в символической форме воскресить умершее, превратить его в «нечто, происходящее здесь и сейчас». И далее: «будущее тоже может переживаться так, словно оно имеет место здесь и сейчас» (*ibidem*, с. 136). С точки зрения Гидденса, доступ к прошлому представляет собой дистанцированное взаимодействие. Однако развитие письма, возникновение текстов сделало возможной коммуникацию с прошлым более непосредственным образом, имеющим определенное сходство с процессом взаимодействия с физически присутствующими индивидами (См.: А. Giddens, *op. cit.*, pp. 203-204).

¹² А.Ф. Лосев, *Диалектика мифа*, [в:] *idem*, Из ранних произведений, Правда, Москва 1990, с. 547.

Второй способ ощущения времени, хотя и уступает первому в древности своей родословной, имеет не менее почтенное происхождение. «Время мыслимо только тогда, когда мы, пусть незаметно для себя, оперируем категорией вечности», — заметил Лосев, рассуждая о мифологии Времени. Истоки такой «интеллигенции» (пользуясь терминологией Лосева, — т.е. «соотнесенности») — в историзме, ощущение которого присуще многим направлениям религиозной мысли и веры.

В противоположность Дионису и другим богам натуралистических религий, периодически умирающим и периодически воскрешающим, — писал Е.Н. Трубецкой, — *Христос единожды умер и воскрес ...*¹³.

Резкое отличие, сущностная черта монотеистических религий состоит в том, что время здесь протекает в зависимости от воли Бога.

Если *псалмы* восхваляют времена и сроки, установленные свыше, — писал Лосев, — то *пророки* дают то, что можно назвать *религией будущего*. Времена сокращаются, и остается только будущее¹⁴.

Иудаизм, исполненный надежд на чувственное Царство Божие на земле и ожидание Мессии, который осуществит земное царство и земное блаженство еврейского народа, дал человечеству «мессианское сознание»¹⁵. Еврейский народ «подарил» миру Христа–Мессию,

С его точки зрения, время есть «подлинная алогическая стихия бытия, — в подлинном смысле *судьба* или, в другой опытной системе, *воля Божия*» (*ibidem*). Судьба — «жестокий лик самой жизни» (*ibidem*), казалось бы не оставляющая никаких надежд, возвещает, проявляет, пророчествует будущее с помощью «чуда», питая и поддерживая надежду человека (См.: *ibidem*, с. 551 и др.).

¹³ Е.Н. Трубецкой, *Смысл жизни*, Республика, Москва 1994, с. 50.

¹⁴ А.Ф. Лосев, *Диалектика мифа*, с. 470. Далее он отмечает, что здесь «Бог-творец отходит на задний план. Выступает Бог *истории* и Бог *совершенства*», и дает интерпретацию «персидской религии», в которой так же, как в монотеизме, господствует идея будущего, но «она тут более земная и менее богатая». «Тут, — пишет Лосев, — оптимистическая воля к культуре, получающая религиозную санкцию. Отсюда восхваление в Авесте крестьянина и скотовода. Тут не Бог спасает человека, но человек спасает сам себя, водворяя добрый порядок в мире» (*ibidem*, с. 470-471).

¹⁵ В работе «*Душа России*» Н.А. Бердяев писал, что всякое мессианское сознание имеет своим истоком мессианское сознание еврейского народа. Дух мессианства чужд был арийским народам. Он раскрывался лишь в еврейском напряженном ожидании Мессии, в еврейском сознании себя избранным народом Божиим. Еврейское сознание не было националистическим и еще менее было оно сознанием империалистическим; оно было сознанием мессианским... Христос–Мессия явился в еврейском народе, но Он явился для всех народов, для всего мира. И после явления Христа невозможен уже в хри-

отвергнув жертву Иисуса Христа¹⁶. Христианство вышло из национальных рамок и с особой силой выразило упование и надежду: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Матф., 5:4), повернув сознание миллионов в сторону будущего. Такое ощущение оказалось чрезвычайно устойчивым, главный мотив его — «кто был ничем, тот станет всем» — характерен и для ислама. Эсхатологическая проповедь Корана возвестила неизбежность светопреставления, которое явится катастрофой для одних и началом блаженной жизни для других¹⁷.

* * *

Если иудаизм и ислам «роднит» с христианством эсхатологичность, то буддизм и индуизм — в отличие от всех — религии антиисторичные, считающие, что время — это иллюзия. Здесь формируется третий (а по времени — первый) способ отношения к прошлому и будущему, назовем его «равнодушие»¹⁸. Время течет, меняется, все, что подчиняется времени — преходяще (гибнет — рождается, опять гибнет и так до бесконечности)¹⁹. В этом отношении напрашивается аналогия с образом «колеса времени» — фундаментального для архаической культуры.

Интересную интерпретацию «обратного мифического представления времени», как он его называл, представил Лосев. В индийской

стианском мире еврейский мессианизм. Не может уже быть избранного народа Божьего, в котором явится Мессия (Н.А. Бердяев, *Душа России*, [в:] *idem*, Судьба России, Мысль, Москва 1990, с. 26-27).

¹⁶ «Еврейский народ, — отмечал Бердяев, — в разгоряченной апокалиптической атмосфере ждал не христианского Мессию, а социалистического Мессию, не христианского тысячелетнего царства, а социалистического тысячелетнего царства. Соблазн социализма, соблазн земного царства и блаженства без жертвы Христа и Распятия, без прохождения через Голгофу и привел к отвержению Христа и к крестной Его муке...» (Н.А. Бердяев, *Философия неравенства*, Москва 1990, с. 264-265).

¹⁷ Первоначальная проповедь Мухаммеда повторяла мотив призывов и предупреждений Иоанна Крестителя: «...покайтесь, ибо приблизилось царство небесное» (Матф., 3:2). См.: В.В. Бартольд, *Ислам и культура мусульманства*, МГУ, Москва 1992, с. 13,14.

¹⁸ Этот сюжет оформился в ходе бесед с писателем Ю.В. Мамлеевым (1931–2015), который в 1990-е гг. некоторое время работал вместе с автором на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹⁹ «В буддийской философии, — писал Фромм, — нет места понятию о какой бы то ни было устойчивой, неизменной субстанции ни в отношении вещей, ни в отношении человеческого «Я». Ничто не является реальным, кроме процессов». Э. Фромм, *Иметь или быть?*, с. 32.

философской и религиозной спекуляции, писал он, сравнивая их с «персидской религией» и иудео-христианской традицией, —

... тоже ожидание конца времени. Но этот конец будет дан сквозь *ясность и глубину мысли*. Если Сон в Авесте — злой демон, то уже в древнейших Упанишадах мышление толкуется как волшебная погруженность в сон. Это путь к Брме. Отсюда — то восприятие времени, которое ярче всего дано в буддийских источниках. Учение Будды сохраняет из времени только момент *становления и возникновения*, что равносильно и страданию. Страдание возникает из трех видов жажды, из жажды к удовольствию, к становлению и к прошлому. Исповедуетесь *вечность становления*, и в становлении нет конца, как и нет цели. Тут полная противоположность как библейским пророкам, так и Авесте. Тут целью является не *конец* времени, а прекращение времени и становления. Не конец времени спасает людей, а уничтожение всех времен со всем их содержанием²⁰.

В основе такого мироощущения — противопоставление Времени и Вечности. Где Вечность — состояние сознания (т. н. «четвертое состояние сознания»), присущее Абсолюту и человеку, стремящемуся и реализующему высшие аспекты своего сознания (тот самый «Абсолют»).

Прошлое и будущее в такой системе мировоззрения не играют принципиальной роли, главным является настоящее, направленное к познанию Вечности и вечного в самом себе.

При этом, опыту, традициям прошлого придается большое значение, но не в смысле социально-политических и т. п. ориентиров²¹, а в смысле примеров опыта самореализации Вечного, качество которого не зависит от Времени, от того, «давний» или «недавний» этот опыт.

Абстрагируясь пока от известных различий буддизма и индуизма (связанных с внекастовостью первого и кастовостью второго, с большей или меньшей требовательностью к их приверженцам и т. д.), можно привести немало философски звучащих текстов, выражающих специфическое мироощущение этих религий. Но мы, в качестве иллюстрации, вслед за С. Радхакришнаном, процитируем стихотворение М. Шелли «Эллада»:

²⁰ А.Ф. Лосев, *Диалектика мифа*, с. 471.

²¹ Об этом см.: А.А. Szirinianc, *Konserwatywizm w przestrzeni ideologicznej i politycznej współczesnej Rosji*, [в:] Political Science, Politische Wissenschaft, Politologija. Antologia tekstów, J. Wiśniewski, E. Jeliński, A. Bielawska, Ł. Dulęba, B. Hordecki, Wydawnictwo Naukowe WNPiD, Poznań, 2017, pp. 183-192.

*Мир за миром вниз катится,
Исчезает, лишь родясь,
Словно пена волн сребрится,
Таёт и исчезнет с глаз*²².

Именно такое отношение к Вечности характерно для всего индуистского общества в целом, но — подчеркнем это обстоятельство — в разной степени для разных каст. Кастовость усложняет объяснение индуистского ощущения Времени–Вечности, ведь большинство людей–индуистов довольно живо реагирует на окружающее и только брамины «свободны в духе своем», т.к. связаны с Вечностью.

* * *

Способы ощущения времени, противостоящие друг другу своей направленностью, характерны не только для религиозного мироощущения, основанного на вере, но, парадоксальным образом, обнаруживаются в истории науки, теоретического знания. Тысячелетие, а может быть и больше, человечество жило прошлым, наука и общественное знание были в буквальном смысле слова «реакционными», так как самой достоверной считалась наиболее древняя доктрина, учение, идеология, а возраст был синонимом мудрости.

Ортодоксальность, выраженная формулой: «то, чему верили везде, всегда и все»²³, обращенность в глубь веков, продержались до XVII столетия как непререкаемая основа для научных поисков.

Если Средневековье все «основано на примате трансцендентных реальностей», то эпоха Нового времени «выдвигает на первый план отдельные, дифференцированные субъективные способности или всего субъекта, напрягая это до противоестественных размеров; все же прочее превращается в некое аморфное чудовище, в безглазую тьму, в бесконечно-расплывшийся, черный и бессмысленный, механистический мир ньютоновского естествознания. Отсюда такие лозунги, как знание без веры, такое вероучение и мифология, как о всемогуществе знания, это постоянное упование на науку, на просвещение, этот слепой догмат «в знании — сила», — писал Лосев, характеризуя сущность «новоевропейского духа», пронизанного ра-

²² С. Радхакришнан, *Индийская философия*, т. I, Миф, Москва 1993, с. 312.

²³ Американский историк философии Бэрроуз Данэм указывает, что эта формула принадлежит Винценту с острова Леринс («Предостережение», 434 г. н. э.). См.: Б. Данэм, *Герои и Еретики*, Прогресс, Москва 1967, с. 36.

ционализмом и индивидуализмом²⁴. Более того, именно в это время (в философии от Декарта) наука обратила свои взоры в будущее, при этом настолько решительно, что по отношению к прошлому выработалось чисто обывательское пренебрежение, выраженное формулой «чем старее, тем ошибочнее (глупее)»...

* * *

Но возвращаясь к способам ощущения времени, заметим, что если и есть тут какое-то своеобразие, то разве что в их особом сочетании друг с другом. Влечение к прошлому, с одной стороны, и к будущему, с другой, живут в одновременно и нераздельно, они всегда неразлучны.

Подобная раздвоенность, когда рядом с культом прошлого находится устремленность в будущее, по авторитетному мнению глубокого знатока русской культуры Д.С. Лихачева, «в своеобразных и разнообразных, иногда даже искаженных, формах свойственна всей русской интеллектуальной жизни»²⁵. Приходят иные времена, и вот уже разгорается спор западников и «восточников»-славянофилов, но как прежде одних влечет будущее, других — прошлое.

Сопоставляя такие разные явления, важно, разумеется, соблюдать определенную осторожность. И все-таки нельзя не заметить то редкое постоянство, с которым любой русский вопрос превращается в спор «о старом и новом» (А. С. Хомяков). Лучшее тому подтверждение обнаруживается на крутых исторических переломах, в кризисные эпохи истории, когда, по точному выражению В. В. Набокова, «одни бьются за призрак прошлого, другие за призрак будущего»²⁶.

Удивительная настойчивость, дурная закономерность, с которой снова и снова повторяется одно и то же, вынуждает признать, что здесь проступают черты какого-то особого способа мышления, глубоко укоренившегося в нашем сознании. Его отличает влечение к противоположным во времени образцам бытия, несовместимым и неразлучным. И хотя верность прошлому хранят одни, а в будущее

²⁴ См.: А.Ф. Лосев, *Диалектика мифа*, с. 501. Здесь же Лосев утверждает, «что как все мышление после Средних веков есть либерализм и гуманизм, как вся социально-экономическая жизнь этих веков основана на отъединенном индивидуализме, т.е. оказывается капитализмом, и на рационализме, т.е. оказывается машинной культурой, так миф о всемогуществе знания есть всецело буржуазный миф» (*ibidem*).

²⁵ Д.С. Лихачев, *Русская культура в современном мире*, [в:] *idem*, Избранные труды по русской и мировой культуре, СПбГУП, Санкт-Петербург 2015, с. 61.

²⁶ В.В. Набоков, *Подвиг*, [в:] *idem*, Другие берега, Книжная палата, Москва 1989, с. 183.

устремлены совсем другие — это отнюдь не исключает известную степень единства. Очень уж тесно связаны между собой «прогрессисты» и «хранители»²⁷ — стоит только кому-то из них заявить о себе, как тут же, будто бы в зеркальном отражении, появляются другие. Поэтому, когда зазвучат голоса ревнителей обновления, можно несколько не сомневаться: их уже поджидают свои старообрядцы. Сталкиваясь друг с другом, они составляют и какую-то скрытую общность. И хотя слишком привычным стало для нас мышление, уже не способное к чему-то иному, кроме «за» или «против», можно найти нечто общее между исключаящими друг друга вещами. И те, кто торопит будущее, и живущие прошлым всегда едины в одном: все они одинаково пренебрежительно отвергают настоящее. Более того, именно отсюда берет начало тот раскольничий²⁸ дух (нигилистический по существу²⁹), который подобно року преследует русское сознание.

Такое ощущение и настроение оказалось чрезвычайно стойким. И сегодня очень знакомым выглядит мысленный строй, легко и «охотно», по выражению Андрея Платонова, предающийся «... любой далекой перспективе, лишь бы она находилась на сто лет впереди или на столько же назад»³⁰.

По-видимому, не стоит говорить о том, к чему приводит подобный образ мыслей: это и без того достаточно хорошо известно.

Когда где-то вдали, как бесплотные призраки мерцают «славное прошлое» и «светлое будущее», а на месте пропущенного настоящего — бесконечные «переходные периоды» — время рвется, разрыв пре-

²⁷ О концепции «хранительства» см.: Д.В.Ермашов, А.А.Ширинянец, *Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России)*, „Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки« 2006, № 2, с. 5-22; А.А.Ширинянец, *Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии*, „Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки« 2006, № 4, с. 69-87; С.В.Перевезенцев, А.А.Ширинянец, *Страницы русского «хранительства»: литература и политика*, „Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)« 2016, № 4. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781>.

²⁸ «Раскольники, — писал Бердяев, — начали жить в прошлом и будущем, но не в настоящем». См.: Н.А.Бердяев, *Русская идея*, [в:] *idem*, О России и русской философской культуре, Наука, Москва 1991, с. 52.

²⁹ О феноменологии русского нигилизма см.: А.Ширинянец, *Нигилизм. Nihilizm. Nihilism*, [в:] Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski, red. J. Dobieszewski, t. IX, Ibidem, Łódź, 2015, s. 224-235.

³⁰ А.П.Платонов, *Ювенильное море*, [в:] *idem*, Котлован. Ювенильное море, „Худ. Лит“, Москва 1987, с. 117.

вращается в ощущение пустоты: «Было добро, да давно, опять будет, да уж нас не будет»³¹.

* * *

Истоки столь незавидного, но на редкость навязчивого состояния «вечно увечного времени, оставшегося без настоящего» можно обнаружить, обратившись за помощью к языку. Тогда выясняется, что «настоящий» — это не только «нынешний, теперешний, не прошлый и не будущий», но и «подлинный, истинный, точный, прямой, правый, заправский, истый, неподдельный, неподложный»³². Судя по всему, оба значения очень тесно связаны. Так, неподдельность и подлинность вещи доказуемы лишь при ее наличии, только вот здесь теперь и сейчас. Но существует и обратная зависимость: вещь, подтвердившая свою подлинность, распространяет ее и на время, в котором находится, как бы наполняя собою его пустоту. Кроме того, подлинное тем и примечательно, что остается таковым всегда, а потому не только поддерживает собою настоящее, но и связывает прошлое с будущим. Коротко говоря, время, лишённое настоящего, возможно лишь в мире, лишённом подлинного.

Подобный вывод, конечно, не каждому покажется очевидным. И это вполне понятно: ведь из того, что подлинное должно быть удостоверено своим наличием, невольно возникает искушение принять наличное за подлинное. Довольствуясь наличным, такое сознание уже не только обходится без подлинного, но даже не испытывает в нем нужды. Однако наличное не может заменить подлинного, и в этом рано или поздно убеждает само время, неумолимо разрушающее наличное, не нанося ущерба подлинному.

Что можно противопоставить вечному? По мнению Н.А. Бердяева (с которым в этом невозможно не согласиться), — только вечное³³. И здесь огромна роль культуры, в которой в отличие от

³¹ Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т., т. I, *Русский язык*, Москва 1989, с. 266.

³² В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х т., т. 2, *Русский язык*, Москва 1979, с. 475.

³³ Критикуя о. Г. Флоровского за его якобы «религиозный консерватизм» Бердяев — «романтик» и «идейный анархист» (т.е. несистематик, главное для которого — интуиция, а не дискурс (См.: В.В. Зеньковский, *История русской философии*. Т. 2. Ч. 2., Ленинград 1991, с. 62 и др.) — как всегда «интуитивно» пришел к гениальному по своей простоте утверждению — «Вечное может прорываться в настоящем и будущем, как оно прорывалось и в прошлом». Поэтому ошибка религиозного консерватизма в отноше-

«хамизма цивилизации» «происходит великая борьба вечности со временем, великое противление разрушительной власти времени»³⁴. Предметы, не обладающие какими-то иными достоинствами, кроме своего наличия, на глазах изнашиваются, превращаются в прах, а за ними уже нет ничего. Это справедливо не только по отношению к материальным, но и идеальным предметам — символам, идеалам, ценностям, нормам и т.п.

Изверившись в наличном, поневоле станешь искать опору в прошлом или уповать на будущее — именно здесь истоки и главная причина характерного для русского сознания временного разрыва, пренебрежительного отвержения настоящего. Спасение — в обретении подлинного, которое только одно и может сделать время настоящим, а значит, вернуть утраченное прошлое и право на будущее. Вслед за Бердяевым повторим:

«Будущее, с точки зрения настоящего, не более реально, чем прошлое, и творческая работа наша должна совершаться не во имя будущего, а во имя вечного настоящего, в котором будущее и прошлое едины» (выделено мной — А.Ш.)³⁵.

Aleksandr Andreevich Shirinyants

Melancholy *versus* Hope: Considerations about Time

Abstract

The article outlines author's reflections on traditional religious concept of time, and is based on original analyses of the works of Berdyaev, Losev, Fromm and other philosophers who wrote about different forms of awareness of the time, and their influence upon interpretation of the categories of present, past and future in the public

нии ко времени в том, что «он противопоставляет текущему настоящему и будущему не вечное, а прошлое, т.е. такое же текучее время. Непонятно, почему прошлое — только потому, что оно прошлое, — лучше настоящего и будущего. Это столь же ошибочно, как и обратное утверждение», — пишет Бердяев и продолжает: «И прошлое грешило дурным человеческим, им грешит настоящее и будет грешить будущее. В традиции есть элемент вечного, но есть и слишком много временного, преходящего, человечески относительного». Н.А. Бердяев, *Ортодоксия и человечность (прот. Георгий Флоровский «Пути русского богословия»)*, [в:] Н.А. Бердяев о русской философии. Ч. 2, Изд. Урал. ун-та, Свердловск 1991, с. 207.

³⁴ Н.А. Бердяев, *Философия неравенства*, с. 249.

³⁵ Н.А. Бердяев, *Смысл истории*, Мысль, Москва 1990, с. 152.

mind. The author demonstrates that the origin and the main source of time gap, intrinsic for the Russian intellectual tradition, when some people worship the past, others are absorbed with dreams of the future, both parties repudiating the reality of the present. Meanwhile, it is the reality of the nowadays that not only supports the present, but links the past with the future as well. The author proposes a maxim: «time deprived of the present is possible only in a world devoid of the genuine».

Keywords: Time, perception of time, Past, Present, Future, Genuine.